

Мертвые не едят

Репортаж из коми-пермяцкого села Большая Коча о языческом обряде кормления мертвецов и о том, что от себя не убежишь

+Т -

Фото: Александр Сорин

Большая семья на могиле родственницы. Детей приводят с собой с самого рождения, поэтому каждый коми-пермяк воспринимает Семик как самый важный день в году, когда нельзя не прийти на кладбище

Евдокии Ивановне трудно говорить по-русски. Она медленно подбирает слова, и от этого каждая ее фраза приобретает неожиданный вес и убедительность. «Мертвые не едят. Только живые едят», — произносит она и жестом приглашает нас к импровизированному столу: могильному холмику ее сестры, накрытому кухонной клеенкой. Мы пробуем пироги с рыбой и деревенский квас. Мы почти не думаем о том, как странно брать пироги с могилы — все вокруг делают то же самое. Мы — московский десант из фотографов Александра Сорина и Алексея Ершова и меня — в коми-пермяцкое село Большая Коча приехали именно ради этого обеда. Мы воодушевлены перспективой поучаствовать в языческой традиции редкой сохранности, аутентичной и экзотической, пережившей и переварившей, не заметив, XX век, вместе с его революциями, войнами, модернизациями и другими историческими катастрофами.

Раз в году кладбище Большой Кочи становится самым оживленным местом в округе — все пространство заполняется родственниками похороненных здесь коми-пермяков. Многие живут в самой Коче, кто-то приезжает из соседних деревень, некоторые — из Перми и других больших городов, куда продолжают уезжать жители деревень в поисках работы. Все проводят этот день одинаково: в середине ночи начинают печь пироги, утром

приходят на кладбище, раскладывают традиционные блюда коми-пермяцкой кухни на высоких могилах, удобно устроенных как будто специально для этого. Поминают родных, затем ходят на соседние могилы — обсуждать бытовые новости, смотреть на подросших детей. Они видят друг друга только раз в году — на Семик, четверг седьмой недели после Пасхи, за три дня до Троицы.

«Кто-то на могилу цветы приносит, а мы угощение, — Евдокия Ивановна анализирует смысл ежегодного кладбищенского обеда. — Родных поминаем. Много еды люди приносят, друг другу раздают. Мертвые ведь все равно не едят». Я пытаюсь поспорить. Когда-то считалось, что мертвые едят — раз в год, во время ритуального обеда на кладбище, куда язычники приходили специально, чтобы задобрить своих покойников. Евдокия Ивановна не согласна: «Только живые едят». Сейчас почти никто не помнит, зачем нужно есть на могилах — так всю жизнь делали родители и бабушки, и вообще, «Семик — это святое».

Родителям и лешему

Фото: Александр Сорин

В пироге «черенянь», главном ритуальном блюде, рыба запекается целиком, с головой и чешуей

Коми-пермяки приносят на Семик гораздо больше еды, чем могут съесть. Принято плотно есть самим и обильно угощать соседей или случайных гостей вроде нас, московских журналистов. Приглашения всегда очень настойчивые. Те, кто помоложе и живут в городах, объясняют свою настойчивость традиционным гостеприимством. Те, кто постарше и остались в деревнях, оправдываются необходимостью показать уважение к мертвым. И только этнографы пишут в книгах о том, что поглощение еды любым существом, от соседей по дому до деревенской собаки, приветствуется, потому что все

они в этот день кормят не себя, а мертвых. Чтобы весь следующий год прошел хорошо, мертвые должны «хорошо кушать». За маму, за папу.

Мы стараемся быть вежливыми и едим изо всех сил. Поэтому наша этнографическая экспедиция на некоторое время становится гастрономическим туром. Переходя от могилы к могиле, мы пробуем коми-пермяцкие специалитеты и, как внимательные ресторанные критики, сравниваем региональные и семейные особенности национальной кухни. «Возьмите пирог. Здесь мама наша... Попробуйте манник! Обязательно выпейте пива». На одном конце кладбища самые вкусные шаньги — открытые пироги с ячменной крупой, манкой или творогом, на другом — главное ритуальное блюдо, рыбный пирог «черенянь»: местная рыба запекается в тесте целиком, вместе с головой и чешуей. Многие угощают пирогами с «пистиками» — молодыми побегими хвоща, которые пригодны в пищу только одну неделю в году; чуть реже можно встретить «калигу» — сладкую брюкву. К выпечке прилагается деревенский овсяный квас — густая белесая жидкость — и самодельное пиво темного цвета. Пиво с совсем маленьким градусом и больше всего похоже на привычный нам заводской квас, поэтому особенно опасно для легкомысленных туристов. С каждым новым подходом идея расспрашивать коми-пермяков о Семике кажется все менее удачной: все и так понятно.

«Жизнь такая штука, что когда-нибудь все равно придется», — назидательно произносит Николай. Он уже три года не был на могиле матери, а в этом году приехал из Перми — прикоснуться к корням. Обряды, которые нужно соблюдать, Николай помнит не очень хорошо, поэтому отправляется консультироваться с соседями: после того, как разложены угощения, нужно зажечь ладан и три раза обнести его вокруг могилы по часовой стрелке, произнося молитву. В конце над могилой дымом ладана ставится воображаемый крест, после этого можно приступать к застолью.

«Раньше все бражку варили, все! А теперь вот пьем водку паленую», — говорит Дмитрий из деревни Маскали и протягивает мне стопку. Обдумывая возможные последствия «паленой» водки, но помня и о своей роли представителя мертвых, я отпиваю полплотка. Содержимое рюмки оказывается обычной покупной водкой нижнего сегмента рынка. Видя мои мучения, Дмитрий предлагает вылить остатки прямо на могилу своего дяди: «А что, пусть тоже выпьет». Отец Дмитрия два года назад потерялся в лесу. Его мать, сидящая напротив меня, плохо говорит по-русски. Используя сына как переводчика с коми-пермяцкого, она рассказывает о том, как ходила в лес отбивать мужа у лешего: накрыла пенек скатертью, поставила рыбный пирог черенянь и домашнее пиво. Леший угощение проигнорировал и мужа не вернул. Завершая рассказ, мать неожиданно переходит на русский: «Хер его знает, куда пропал. Я на лавочке сидела и осталась одна».

Удавленники и праведники

Фото: Александр Сорин

Оксана возвращает на могилу своего сына искусственные цветы после того, как Семик закончился и угощение сложили в сумки. Раньше оставшуюся после Семика еду раздавали деревенской бедноте и одиноким старикам

«Можно я покурю? Анатолий ведь тоже курил», — с трудом произносит пьяный мужчина, тыча сигаретой в могильную плиту. «Какой еще Анатолий? Здесь лежит наша бабушка Аграфена!» — жена оттаскивает мужа от могилы бабушки и толчками в спину выпроваживает в сторону кладбищенских ворот. В два-три часа пополудни Семик подходит к концу и большинство людей расходятся по домам. С некоторых углов кладбища слышны пьяные песни и выкрики: те, кто не смог подняться после ритуального обеда, остались лежать прямо поверх могил, в обнимку с крестом или, наоборот, глядя в небо и патетично разбросав руки в стороны. К вечеру они доползут до дома, но будут пить до самой родительской субботы.

Фото: Александр Сорин

После Семика на некоторых могилах остаются самые нестойкие. Они будут пить еще три дня, до родительской субботы

Строго одетая и похожая на монахиню Оксана, ее трое сыновей и муж — районный ветеринар, собирают пироги, сворачивают скатерть и устанавливают на могиле новые венки с пышной пластиковой хвоей и истошно-розовыми розами. Оксана решительно настроена остаться здесь до тех пор, пока все не разойдутся — так рекомендовала ее свекровь, хранительница традиций. Один из старших сыновей Оксаны, лежащий в могиле под новыми венками, умер только полгода назад. У него первый Семик, поэтому родные должны уйти с кладбища последними. «Нам сказали, что он удавился, но я не верю, — говорит Оксана, — он ведь совсем не пил и был очень работающим».

Фото: Александр Сорин

Родители на могиле сына. Как и многие коми-пермяки, он покончил с собой, повесившись

Самоубийство через повешение — такая же традиционная черта коми-пермяцкой культуры, как бытовая вера в лешего или пирог с пистиками. Представители всех финно-угорских народов вешаются чаще других, но, в отличие от Финляндии или Венгрии, здесь не ведется никакой профилактической работы, и почти в каждой семье есть угнетенный. Коми-пермяки о своих финно-угорских привычках не думают. Они переживают самоубийство родных как трагическое следствие пьянства или гиперчувствительности: «с женой были проблемы», «без работы сидел, не выдержал».

Оксана протягивает мне пластиковый стаканчик с кагором: «Мы не пьем, а вино хорошее, жалко». Наученная Дмитрием из деревни Маскали, я пытаюсь вылить кагор на могилу ее сына, но Оксана протестует: у нее с собой книжка «Как вести себя на кладбище», и в ней написано, что выливать алкоголь на могилу — грех. Я прошу посмотреть книжку: она издана в 2009 году в Сретенском монастыре и состоит в основном из молитв, которые рекомендуется читать, поминая родителей, детей и другие категории умерших. К книжке прикреплен листок бумаги с переписанной от руки «особой молитвой» — этот текст мы уже слышали парой часов раньше у одной из могил. И он не очень похож на обычную молитву. Скорее, на заговор.

Христиане, атеисты, коммунисты

Поименно все люди
 Св и Дранка, Маша и Бориса
 Миша и Поимта, Кудина,
 Кат, Ван, Бармута, Рашкина,
 Сидора Сериковский, Бокловский,
 всех попов, всех детей и всех
 серебрянников и на море
 островников
 Живакинских, в лесу жабников,
 зверяши растерзаных,
 котам порезаных, самоубийц,
 отравившихся, задавленных
 сиб во вращающ уша порезаных
 мекорадочных в балочных
 умиранных, садовом умиранных
 их, бездетных, бездетных,
 сирот и вдовцов, кормильцев
 и пачишек, подающих имше
 тиря и всех преставивших
 преставивших, бездетных

Фото: Александр Сорин

№	Имя	Название предмета		Состояние предмета		Состояние предмета	
		Имя	Состояние	Состояние	Состояние		
1	Березовский Вал						
2	Белозерский Михаил						
3	Бурлаков Михаил						
4	Васильев Виктор						
5	Варшавский Иван						
6	Васильев Иван						
7	Васильев Влад						
8	Васильев Фед						
9	Васильев Михаил						
10	Васильев Иван						
11	Васильев Иван						
12	Васильев Иван						
13	Васильев Иван						
14	Васильев Иван						
15	Васильев Иван						
16	Васильев Иван						
17	Васильев Иван						
18	Васильев Иван						
19	Васильев Иван						

Фото: Александр Сорин

«Помяни, Господи, Ева и Адама, Мока и Бориса, Улита и Полита, Кузьма, Кач, Бач, Портог и Домна, Сучковских, Бачковских, всех попов, всех дьяков, всех серебрянников, на море островчиков, пустынщиков, убивающих, в лесу заблуждающих, зверями растерзанных, ножом порезанных, пострелянных, самоубийцы, отравляющихся, задавлиющихся, в омраченных ума, парализованных, лихорадочных, в больнице умирающих, с голоду умирающих, бездетных, беспризорных, сироты и вдовицы, кормящих и поющих, подающих милотины и всех православных христиан, безбожных, коммунистов...» — поет бабушка Мария. Уже наступила родительская суббота, и мы отправились на старое кладбище в деревне Борино, в пяти километрах от Большой Кочи. В этот день северные коми-пермяки ходят на «важ-важжес» — обряд поминания старых предков. Это апогей нашего этнографического приключения — самая древняя часть коми-пермяцкой культуры, актуальная до сих пор и неразрывно связанная с языческим культом предков.

На холме возле Борино когда-то действительно было кладбище, но сегодня не осталось ни одной могилы: после войны хоронить стали на новом, в ста метрах отсюда. Старики приходят сюда по субботам перед Троицей, чтобы помянуть предков и тем самым обеспечить себе хороший год, без несчастий и болезней. Чтобы сделать все правильно, нужно знать обряд, поэтому собравшиеся на важ-важжес долго ждут бабушку Марию: она точно знает, как надо. Перед тем, как запеть «особую молитву», Мария подбирает старую консервную банку, поджигает в ней шишку, найденную под ближайшей сосной, и обносит самопальной ладаницей огромный деревянный крест, установленный в самом центре холма. «Возьми семьдесят семь ключей от семидесяти семи замков, отопри семьдесят семь дверей и отпусти наших родителей на честный, на праведный обед», — заканчивает Мария. К ней присоединяются несколько женщин разного возраста, все вместе они поют несколько православных поминальных молитв, после чего всех зовут к столу. Нужно снова много есть: после этого «праведного обеда» старые предки должны остаться довольными и еще год не пакостить живым.

Родные мертвецы

Фото: Александр Сорин

В самом начале родительской субботы Василий Гагарин три раза слева направо обходит могилу своего деда, окуривая ее ладаном.

Василий Иванович Гагарин — учитель истории и замдиректора школы, руководитель разнообразных школьных проектов по сохранению коми-пермяцкой культуры, борец за статус Большой Кочи как культурной столицы финно-угорского мира, директор школьного музея, модератор большекочинской группы «ВКонтакте» и владелец единственной на все село избы с вайфаем. Благодаря Гагарину мы и попали в Большую Кочу. Одновременно исследователь и практик, он собирает фольклор и реконструирует забытые обряды, читает академические труды и сам верит в силу старых коми-пермяцких слов. Рассаживая нас на своей кухне, Гагарин предлагает каждому съесть по пирогу. Пробуя начинку из домашней индюшатины, мы обсуждаем удивительный синтез коми-пермяцкого язычества и православия. «Всегда нужно оставить несколько пирогов дома, — прерывает нашу кухонную этнографию хозяин. — Если умершие не дойдут на Семик до кладбища, то наверняка явятся домой в облике гостей».

Мы идем в школьный музей — хранилище предметов разной ценности, разложенных по периметру большой комнаты на первом этаже здания администрации. Рассматриваем найденное недалеко отсюда украшение в пермском зверином стиле с изображением «человеко-лося», разбираем записки коми-пермяцкой знахарки, слушаем лекцию о том, как правильно ткать заgrabные пояса (так же, как и обычные, но в обратном порядке). Гагарин объясняет происхождение Моки и Бориса, Улита и Полита, героев «особой молитвы» — это мифологические основатели коми-пермяцких деревень Мокино и Борино и их жены. Гораздо проще обстоит дело с самоубийцами, заблудившимися в лесу, растерзанными зверями или умирающими в больнице, которые тоже перечисляются в молитве-заговоре. Это хорошо сохранившийся культ [«заложных покойников»](#) — людей, рано умерших насильственной смертью и потому опасных для своих живых односельчан. Их нужно задабривать с двойной силой: болтаясь между мирами до конца положенного

им срока жизни, они способны приносить болезни и засухи. «К мертвым у нас относятся с уважением, но без страха», — говорит Гагарин. К этому моменту мы хорошо понимаем, о чем идет речь: на коми-пермяцком кладбище мы уже и сами чувствуем себя как дома.

Наконец, подходим к столу с документами. «Недавно один поисковый отряд прислал нам сообщение — они нашли останки солдата из Большой Кочи, выпускника 1941 года», — говорит Гагарин и открывает школьный журнал со списком класса: Березовский, Волчек, Дубовский, Жолковский, Касперович, Левкович... Это дети спецпереселенцев из деревни Усть-Онолва, для которых в школе был создан специальный русский класс. Гагарин рассказывает, что таких деревень в коми-пермяцком крае было много, ссылать сюда начали еще в начале 1930-х. В 1932–1933 годах в этих краях был страшный голод, и известны случаи, когда целые деревни спецпереселенцев не могли пережить зиму. Находили их только весной.

Мы все еще в Большой Коче, но нашему этнографическому бегству в мир коми-пермяцких древностей, заговоров и прочих забавных языческих привычек приходит неожиданный конец. Вместо фольклорных коми-пермяцких персонажей, чужих и поэтому как будто ненастоящих, перед нами встают наши собственные мертвецы — политические ссыльные из Москвы или Петербурга, погибшие на севере Пермского края от голода, не успев адаптироваться к местному климату и деревенскому хозяйству. И их уже никак не накормить. «Что бы ни происходило в стране, у нас все будет в порядке, лишь бы картошка зародилась, — подводит итоги Гагарин. — Скоро здесь снова могут появиться ссыльные. Так нам не привыкать».